

Линия жизни

A scenic view of a lake with reeds and a tree branch in the foreground. The sky is blue with white clouds. The text 'Линия жизни' is overlaid at the top.

Ирина Шестакова

Ирина Шестакова

Линия жизни

«Автор»

2023

Шестакова И. В.

Линия жизни / И. В. Шестакова — «Автор», 2023

Рассказ о тяжёлой судьбе девушки Любы. Сможет ли она обрести свое счастье?

© Шестакова И. В., 2023

© Автор, 2023

Ирина Шестакова

Линия жизни

Глава 1

Март 1988 год

Галя долго рассматривала ладонь Любы. И наконец изрекла.

– Хоть убей, но линии сходятся в одной точке и преобразуют букву "М".

– И что это означает? – с любопытством спросила Люба. Она была из верующей многодетной семьи, но всякая мистика была ей тем не менее интересна.

– Да мучиться будешь всю жизнь – отозвалась Тамарка. Девушка снимала бигуди и бросала их в целлофановый мешочек.

– Почему сразу мучится-то? – тут же возразила Галя, заметив в глазах Любы страх за своё будущее. Девушка прижала руку к груди и переводила взгляд то на одну подружку, то на вторую.

– А что ещё можно подумать? Мучится и точка. Ладно, некогда мне с вами, спешу на свидание! – Томка быстро расчесала свои локоны, залила их лаком и подкрасив губы, выскочила за дверь комнаты.

– Не обращай на неё внимания. Всякую чушь как скажет – отмахнулась Галинка и толкнула Любу в бок – ну как там насчёт практики? Отпускают тебя в Золотовку?

Алёнка пожалала плечами. Слова Томки всё равно не выходили из головы.

– Пока не знаю. Мать ругается, отцу некогда вникать. День и ночь работает, чтоб такую ораву прокормить. Сама знаешь вместе со мной ещё восемь ртов. У нас Колька в армии, Маринка как Максимку родила, так на мать его и повесила. Сама вечно больная, то не могу, сё не могу. Мы трое самых старших, остальные ещё в школу бегают. Мать крутится, как белка в колесе. Самые младшие в шестом классе, Савка и Аринка. Щас лето начнётся, а вместе с ним огороды, покос ...

– Так! У твоей сестры Маринки муж есть, вот из армии придёт и пусть сваливают отдельно жить. Хоть к свекровке, а то хорошо твоя Мариша пристроилась. Сама спит до обеда, а вы все по очереди с Максимкой должны нянчиться – Галя нахмурила светлые брови. Их в семье было всего трое: Наташка, Лёнька и она – по любому в Золотовку поедем. Нас уже там места ждут! Не практика будет, а рай для души! Там парней знаешь сколько? Вот найдём себе и замуж выскочим, свои семьи заведём. Тогда мать твоя от тебя отстанет.

Люба промолчала, зная, что мать не отстанет. Галинка могла бы пройти практику и в своей деревне, у её матери были везде связи, но она предпочла свободу и настояла чтоб непременно быть рядом с лучшей подружкой Любкой, которую мать всё же отпустила в Золотовку. Спорить против решения руководства техникума, она не посмела.

– Глядай там у меня, чтоб скромно себя вела – бухтела Нина Игнатъевна, набивая сумку соленьями, чтоб дочь на практике не голодовала.

– Помни Любка, что Господь каждую мысль твою уразумеет. Молиться не забывай, утренню да вечерню читай – наставлял отец, Максим Алексеевич. Люба помалкивала и родителям ни в чём не перечила, лишь бы уехать поскорее и ощутить свободу. В Бога она верила и боялась, только стеснялась. Ещё в школе прилипла к их семье кличка, баптисты и Люба ужасно комплексовала по этому поводу, вспоминая как на школьной линейке заставляли снять крест и вступить в комсомол. Чего только не было Школьные годы хотелось забыть, как страшный сон.

Галька ждала её уже на вокзале. Грязный пазик был в набиток, но девчонкам удалось занять себе места в самом конце. Всю дорогу они болтали, шутили и смеялись, пока не прибыли

в Золотовку. Весь путь от их райцентра занял полтора часа. Из автобуса вывалились уставшие, вдохнули весенний мартовский воздух и осмотрелись. Деревня встретила чернющими подтаявшими сугробами и грязью до колен.

– Чувствую погрязнем мы здесь по уши – произнесла Люба, растерянно рассматривая свои чистенькие резиновые сапожки.

– Тю! Где наша не пропадала, пошли Любаш! – Галинка подхватила свои сумки и двинулась вперёд. Они должны были остановиться у какой-то бабуся, та сдавала небольшую комнатёнку. В другой комнате уже жили девчонки практикантки, которые приняли новеньких с показным высокомерием.

– Сапоги-то в сенцах сымите – пробурчала хозяйка дома, баба Нюся – щас натопчете, как лошади. А мыть кто будет? Вон ваша опочивальня – кивнула она на запертую дверь – парней не водить, под окнами с ими не оголять. Отбой в десять, исть готовить будете по очереди. У меня окромя вас, ещё три постоялицы. Всё понятно?

– Да, баб Нюсь – бодро ответила Галка, давась от смеха и незаметно толкая Любу в бок. Бабуся в шерстяных чунях, гигантского размера и вязаной кофте, которая была вся в заплатках, выглядела по мнению Галки уморительно.

– Вот баба-яга костяная нога нам досталась, а? – подмигнула она Любе. Девушки обустроивались в своём новом жилище. Разбирали вещи, заправляли в своё постельное бельё, железные кровати. Завтра предстоял первый день практики в кондитерском цеху, так как учились они в городском техникуме на кондитеров. Почему Люба выбрала именно эту профессию, она и сама не смогла бы объяснить. Ей тогда казалось это престижным, выпекать пирожки, торты и пирожные. Всё время сыта и домой кой-чего перехватишь. Знала бы она, что потом по жизни, её профессия ей совершенно не пригодится...

Практика пролетела весело, с шутками и задорным смехом. Люба и Галинка все животы надорвали, придумывая различные истории и развивая свою бурную фантазию. Но работали они слаженно и ответственно, никто не мог к ним придраться и директор цеха к окончанию практики с сожалением произнёс:

– Хорошие вы девчонки. Мне бы работниц таких в цех. Молодые, энергичные. Может как экзамены сдадите и диплом получите, к нам махнёте? – Александр Валерьянович смотрел на девушек из под своих огромных очков, то и дело, протирая свою потеющую лысину. Стоял конец душного мая и работавший в его кабинете вентилятор, от жары не спасал.

– Не знаю, мамка меня навряд ли пустит сюда. У нас в райцентре свой кондитерский цех и перспектив побольше – неуверенно ответила Люба. Галинка не преминула её пихнуть в бок и улыбаясь Александру Валерьяновичу, заявила:

– Конечно, приедем! Нам у вас очень понравилось. Природа глаз радует, коллектив отменный. Я когда ехала сюда, думала захолустье беспросветное! Ан нет, деревня развивается, колхоз один чего стоит!

Александр Валерьянович обрадованно рассмеялся и стукнул по столу ладонью.

– Тогда жду вас, девочки красавицы. Всё сделаю по трудовой, стаж пойдёт. Ну а жить будете всё там же, у бабы Нюси. Слышал я краем уха, что вроде как довольна она вами.

Всю дорогу до дома Люба сопела в две ноздри. Какова, а! Хоть бы её мнение спросила!

– Ты чего сопишь-то? Сама же восторгалась, как здорово в Золотовке! Или я что-то не так поняла? – допытывалась Галинка.

– Да, восторгалась. Но жить бы там я не хотела. Мне в городе больше нравится, неужели мы бы там себе места не нашли?

– Ну ищи – психанула Галинка, отвернувшись к окну – а я диплом получу и в Золотовку вернусь. Там меня Егорка будет ждать, уже договорились.

– Ах вот оно что! – возмутилась Люба – это тебя есть кому ждать. Меня, некому. Так зачем я туда потащусь, пятую точку твою прикрывать? Знаю, что тётя Нюра твоя тебя не пустит во второй раз.

Галинка решила сменить гнев на милость, зная гордый нрав подружки. Уж очень ей хотелось с Егоркой поближе сойтись.

– Ну Любаш ... давай вернёмся? Если не понравится тебе, всегда уволиться можешь и уехать. Подсоби хоть на первое время, а я в долгу не останусь. Между прочим мой Егорка похвастался мне, что из армии скоро его друг приходит, Вадька Прудников. Он мне его как описал, так я сразу про тебя подумала. Он только тебе подойдёт! Такой же скромный и малообщительный!

Люба зарделась чуть розоватым румянцем. Девушкой она была очень симпатичной, видной. Женихи до дома провожали, не один раз. Только всё того, единственного не было. От которого сердце зашло бы.

– Ладно, уговорила. Посмотрим, что за фрукт ваш Вадька Прудников. Но учти, что уеду сразу, если почувствую себя там не в своей тарелке – предупредила Люба, раздумывая как теперь мать уговорить. Ведь опять хай поднимет, упрекнёт что совсем не помогает ей с хозяйством. А она одна что ли? Вон младшие пусть подрастают и учатся трудиться.

Вот уже и экзамены позади, получен диплом. Вся группа радостно размахивая заветной картонкой, направилась в ближайшее городское кафе. Люба с Галинкой отказались, у них автобус через час. Какое кафе! Девчонки ринулись собирать свои пожитки и планировали в конце недели направиться в Золотовку. Уже в качестве работниц кондитерского цеха.

– Не пушу! – заявила Нина Игнатьевна своей дочери Любе. После старшей Маринки и Кольки, Люба была третьим ребёнком по счёту. Остальные шли потом подряд, Митька, Петька, Санька, Володька, Савка и Аринка, самая младшая. За всех у неё болело сердце и всех она собирала около себя, как цыплят. Ругалась, поколачивала часто. Но оторвать от себя, не могла. Такой уж она была, её не исправить.

Глава 2

Люба продолжала уговаривать мать, чтобы та отпустила поработать в Золотовку.

– Мам, я там опыта наберусь. Если что, в город вернусь и устроюсь в любое место! С опытом меня везде возьмут – настаивала Люба.

– Знаю я какого ты там опыта наберёшься. Подстриглась вон как курица общипанная, где косы твои? "Опыт" – передразнила Нина Игнатьевна. У неё была вечерняя дойка. Корова их Зорька, должна была скоро отелиться через два месяца и хлопот прибавится.

– А тётя Нюра Галинке разрешила всё лето в деревне поработать.

– Ага, тётя Нюра разрешила – усмехнулась Нина Игнатьевна – твоя Галинка наврала ей с три короба теперь. Вертихвостка твоя подружка, ей всё равно где хвостом крутить.

– Мам, я зарплату буду получать. Каждые выходные сюда ездить и тебе помогать – привела последние аргументы Люба. Но спор разрешил неожиданно отец. Он работал по калыму, везде где придётся и последняя его работа завершилась удачно. Ему хорошо заплатили. Максим Алексеевич вместе со своим другом и напарником Ильёй, решили отдохнуть немного, выпить по стопочке. Заслужили.

Нина Игнатьевна стопочки на особо приветствовала, но куда деваться. Да и супруг её выпивал редко, повторяя, что вино дурманит разум и отвлекает человека от молитвы. Женщина быстро нажарила картошечки, окрошку сделала, достала огурчиков малосольных с помидорами и оставила мужиков расслабляться после тяжёлой трудовой работы. Детей разогнала на улицу, сама стирку затеяла в железном тазу во дворе.

– Калина красная, калина вызрела – завёл отец. Люба отдраивающая пригоревшую кастрюлю после пшённой каши, прислушивалась к мелодичному голосу Максима Алексеевича. Она любила, когда отец запевал песню, а эта была одна из его любимых.

– А что Максим, давай ещё по одной. Эх, грехи наши тяжкие – вздохнул дядя Илья, послышалось звяканье стаканов и Люба решила, что это самый подходящий момент. Отец уже созрел.

– Пап, а меня на работу пригласили. Сам директор кондитерского цеха, где мы практику проходили – сообщила Люба и вздрогнула. В дом вошла мать и посмотрела на неё грозным взглядом.

– Ну что ж, езжай, раз пригласили. Ты уже взрослая, тебе и решать – Максим Алексеевич тихонько рассмеялся. Он в отличие от матери вообще был добрым и мудрым, многое знал и интересно рассказывал всегда. Люба удивлялась, как его такого городского и культурного занесло в ту глушь, где жила тогда её мать? По характеру они такие разные! А сошлись и живут уже двадцать лет!

– Будет тебе Максим с пути девку сбивать. Вот в подоле принесёт нам, тогда будешь по другому говорить – Нина Игнатьевна демонстративно начала собирать пустую посуду со стола. Смущённый дядя Илья, побаивающийся Нину Потапову, встал из-за стола.

– Пойду я, Алексеич. Поздно уже, ребятёшки ваши прибегут скоро на ужин – промямлил он. Максим Алексеевич при нём с женой спорить не стал, проводил друга до ворот.

– Тогда на неделе свидимся. Ещё один калым есть, в соседней деревне, там строится кто-то собрался. Цену обмозговать надо.

Илья кивнул и поплёлся по улице, что-то негромко напевая себе под нос.

– Ты мать, при посторонних людях-то язык свой попридержала бы – упрекнул Максим Алексеевич свою жену, Нину Игнатьевну, которая разогревала большую кастрюлю щей для их большой оравы.

– Илья не посторонний, почитай как свой давно – упрямо заявила Нина Игнатьевна – иди Любка, зови братьев и сестру на ужин. Мне ещё Маринкиному Максимке молоко вскипятить надо.

– А она сама что, без рук? – вырвалось у Любы. Марина у них была неприкосновенной. Она родилась слабенькой и больной, с неправильно расположенными внутренними органами. Мать с ней даже в Москву ездила, к какому-то профессору. Сказали лишь, что до двадцати лет доживёт дай Бог и всё. Отец тогда день и ночь молился на коленях, как мать рассказывала. И вот Маринке уж двадцать два, замуж вышла, да сына родить смогла. В семье её никто не тревожил, тяжелее кружки она ничего не поднимала.

– Зараза какая, а! Иди отседа! Что наказала, то и делай. А то ни в какую Золотовку не поедешь – прикрикнула мать.

Люба больше пререкаться не стала. Теперь всем сердцем желая уехать, как можно скорее. От матери ей доставалось больше всех и иногда Любе казалось, что из всех девяти детей, именно её она не любит. Ведь когда Нина Игнатьевна была беременна Любой, то у неё умерла мать, которую она очень любила. Нина Игнатьевна была у неё единственным ребёнком и мать Прасковья Солодова держала подле себя свою кровиночку до последнего, пока в их деревню не приехал искать себе невесту Потапов Максим Алексеевич. Нине тогда уж двадцать пять стукнуло, чуть ли не старой девой считалась.

Когда Люба вышла, Максим Алексеевич тихо произнёс:

– Любку не трожь. Пускай едет, девка она у нас не глупая. В подоле по твоим словам не принесёт, скорее замуж выйдет – знал бы в ту минуту Максим Алексеевич, что слова его пророческими окажутся.

Нина Игнатьевна хоть и с большой неохотой, но дочь отпустила. И вот Люба со своей подружкой снова трясутся в пыльном пазике. Что их там ждёт?

– Меня уж Егорка теперь заждался. Как бы другую не нашёл себе паразит – всю дорогу переживала Галя.

– Если любит, то дождётся. Неужели серьёзно прям у вас? – Люба ехала без энтузиазма. Её никто не ждал, просто захотелось на лето вырваться из дома. Из её большого родного дома, который построил когда-то отец, своими трудовыми руками для их большого семейства.

– Ну не скажи – протянула Галя – с глаз долой, из сердца вон. А нас долго с тобой не было, целый месяц пока экзамены в техникуме шли! В конце мая уехали, а сейчас уж июль. Это я серьёзно настроена, он не знаю как. Вот и переживаю – Галя вдруг покраснела и опустила глаза.

– У вас было что ли уже! – удивлённо спросила Люба, догадавшись о причинах такого беспокойства подружки.

– Было! А что? Нотации читать начнёшь? – с вызовом произнесла Галя и отвернулась к окну, не желая продолжать далее разговор. Люба и не лезла. Это личное дело Гали. У неё самой будет всё по другому. Только в браке и по большой чистой любви, а не повинуюсь срамной похоти.

Прибыв в деревню, девчонки быстро помирились. Снова заселились у бабы Нюси. Соседки только уже другие были, ещё высокомерней чем предыдущие.

– Где наша баба-яга их берёт таких? – удивлялась Галя, заправляя свою койку.

– Галь, не называй ты её так! Хорошая ведь бабуська, добрая. Шутить умеет – улыбнулась Люба, доставая припасы, которые ей мать наворотила в дорогу. Чтоб дочь не голодовала.

– Да ну её! Парней не водить, отбой в десять и свет как зря не жечь. Пластинка заезженная, бее! – Галя скорчила гримасу.

Утром они с Любой ни свет, ни заря отправились в цех. Александр Валерьянович им очень обрадовался и определил на старые места. Тесто месить, да пирожки выпекать. По вечерам девчонки приспособились ходить на местный пятак, где деревенская молодёжь собиралась. Парни жгли костерок, пели песни под гитару. Кто-то вино пил, кто-то курил. Любу с Галей заметили двое парней, Игорёк и Костян. Они приезжали на мотоциклах "Восход" и развлекали монотонные вечера похабными шутками.

– Хочешь прокатнуться? – как-то раздалось над ухом расслабленной Любы. Ей такие тихие вечера под гитару нравились и она всё повторяла потом целый день в цеху:

"Изгиб гитары желтой ты обнимешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.
Качнется купол неба, большой и звездно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!"

– С тобой что ли? – насмешливо спросила за Любу, её подружка. С Егором она поругалась и теперь была в поисках нового парня.

– Со мной. А что?

– Любка скорости боится, а я – нет – Галя открыто флиртовала с незнакомым парнем, накручивая на палец свой рыжий локон. Краем глаза она увидела, что к компании присоединился Егор.

– Чего это я боюсь? – возмутилась Люба. У её старшего брата Кольки был мопед и она прекрасно на нём гоняла.

– Тогда поехали, обе – скомандовал Игорёк. Они с Костиком усадили девчонок на своих железных коней и рванули с места. Сердце Любы ухало где-то в груди. Ветер свистел в ушах. Она стеснялась крепко прижиматься к незнакомому парню. Сама поездка произвела выброс огромной дозы адреналина в кровь. Люба совсем было расслабилась, как на огромной скорости мотоцикл обо что-то сильно трянуло и он полетел в овраг. Люба непроизвольно расцепила руки и отлетела в другую сторону.

– Жива? – к ней со всех ног бежала Галя. У неё были бешенные глаза и животный испуг за подружку.

– Жива ... вроде – растерянно ответила Люба, пытаясь подняться – коленку только ушибла. Хромать теперь буду.

– В рубашке родилась – заявил Игорёк, показывая глазами куда-то в сторону. В метре от Любы лежал каменный столб и она чудом не треснулась об него головой. Они вернулись домой, а на следующий день их ждали разборки с соседками.

Глава 3

– Эй, баптистка – раздался насмешливый голос Светы, соседки Гали и Любы.

– Это ты кого сейчас так обозвала? – развернулась к ней Галя. Они стояли возле дома бабы Нюси и собирались отправиться на работу.

– Её! – Света ткнула пальцем в Любу – она вчера с моим парнем каталась на мотоцикле. Ещё раз узнаю или увижу тебя возле него, все космы пообдираю. Всё поняла?

– Игорёк что ли? Так не нужен он мне, просто сам предложил покататься. Я согласилась – пожала плечами Люба и хотела пойти, как Света подлетела к девушке. Сначала влепила пощёчину, а потом за волосы вцепилась так, что у Любы слёзы брызнули из глаз от неожиданности.

– Ты чего? – Люба пыталась освободить свои волосы. Галя рвалась к ней на помощь, но её удерживала подруга Светы, Валя.

– А ничего! Я тебя в первый и в последний раз предупреждаю. Поняла спрашиваю? – Света ещё раз больно дёрнула за волосы и оттолкнула от себя Любу. Девушка упала прямо в болото, образовавшееся после ночного ливня. Света и Валя громко рассмеялись и пошли в противоположную сторону. Они устроились работать на хлебопекарню.

– Дуры – бормотала Люба, глотая слёзы. Так унижительно, так обидно ей ещё не было. Даже когда в школе обзывали баптисткой и сдирали с шеи крестик.

– Ну я им вечером покажу. Ещё прощения просить будут – погрозила им кулаком Галя. Вид у Любы был не презентабельный и она вернулась переодеться. Не идти же на работу прям так!

В конце рабочего дня к Гале и Любе, как всегда забежала Алёна Сидоренко. Она заговорщически сообщила, что у них намечается небольшой шашлычок по поводу дембеля её соседа Вадьки Прудникова.

– Я с ним с детства дружу и с Егоркой – Алёна подмигнула покрасневшей враз Гале – так что жду вас к восьми и никакие отказы не принимаются!

Алёна убежала, а девчонки стали наперебой обсуждать, что им надеть. Вечера прохладные, да и местность здесь болотистая, комары, как озверевшие до сих пор всё ещё атакуют. Они даже забыли, что хотели отомстить Свете и Вале за утреннее унижение.

– Интересно, что этот Вадим из себя представляет – Люба волновалась, ведь ей прочили его в женихи, как он из армии придёт. Семья у Вадьки тоже многодетная, семь детей. Отца нет, он умер как только Вадька ушёл в армию. А мать, по словам Алёнки, всю жизнь нигде не работала. Она была из детского дома сама и выскочила за Вадькиного отца замуж совсем девчонкой.

– Да чтобы не представлял, тебе что? Или принца на белом коне всё ждёшь?

– Да нет. Отец учил главное чтоб верующий был и работающий – пожала плечами Люба. Они с Галей пришли к назначенному времени и Люба, увидев Вадима глубоко разочаровалась. Парень был абсолютно не в её вкусе. Кучерявый, как цыган, с чёрными глазами и одет не по моде. Какие-то брюки-клёш и ботинки с острыми носами.

– Прям как у старика Хоттабыча туфли – давясь от смеха, шепнула на ухо Галинка. У неё то было всё в ажуре. Егорка прифрантился, где-то букет ромашек раздобыл и торжественно вручил, при этом виновато опустив голову.

Вадим сразу стал уделять внимание Любе. Потихонечку так, ненавязчиво. Он действительно оказался скромным и молчаливым. Любе было с ним тяжело, гнетущая тишина между ними напрягала.

– Можно я тебя провожу до дома? – спросил он.

Любе ничего не оставалось, как согласиться. Галя и Егор шли впереди, о чём-то оживлённо болтая. То и дело слышался Галкин смех. Люба и Вадим еле плелись за ними, молча.

"Да с ним со скуки умереть можно!" – мысленно возмущалась Люба, мечтая поскорее завершить столь тягостное знакомство. Но Вадим напросился встретить девушку после работы и не понимая зачем она это делает, Люба согласилась и забежала в дом. От бабы Нюси они с Галинкой получили нагоняй, за то что пришли ближе к двенадцати.

– Вот не спится ей, а! – посетовала Галя, рьяно расчёсывая свои рыжие волосы. Свет в комнате они включать не стали, чтобы не получить очередную порцию недовольства от хозяйки. Обычно баба Нюся спала крепким сном и совершенно не контролировала во сколько приходят домой её постоялицы. А тут как на грех не спала.

– Мне этот Вадим совсем не понравился – заявила о наболевшем Люба.

– А кого же тебе надо? Хороший и скромный парень. Армию отслужил, не пьёт, не курит. А красавец какой! Брови чёрные, волосы чёрные ...

– Да цыган одним словом! – Люба взбила подушку и улеглась наконец. Завтра вставать чуть свет и обсуждать внешние данные Вадима было совсем не интересно. Ведь насильно мил не будешь! И сердцу не прикажешь!

– Дура ты Любка, счастья своего не знаешь – вздохнула Галя и через секунду захрапела.

Вадим пришёл ровно к концу рабочего дня у Любы. Они с Галей как раз переоделись и собирались выходить из цеха, как услышали громкую музыка из транзистора, которым гордо размахивал Вадим. Одет он был так же, как и вчера.

– Слышь, о чём поют-то? "Белые розы, белые розы. Беззащитны шипы..." – пропела Галя и покатила со смеху – чем тебе не жених?

Люба вышла из цеха и смущённо улыбнулась Вадиму. При дневном свете он и вправду был очень красивым. Что-то было в его цыганской внешности такое, что цепляло с первого взгляда. То ли взгляд серьёзных тёмно-карих глаз, то ли какая-то девственно-чистая манера общения. И Люба сдалась. Они стали встречаться с Вадимом. Гуляли по вечерам, держась за ручку, как два школьника. Слушали песни "Ласкового мая" и смотрели на звёзды, не смея даже поцеловаться. На выходных Люба, как и обещала, ездила домой. Мать, словно чувствуя произошедшие перемены в дочери, срывала на ней свою злость и припрягала к домашней работе по полной программе. Люба так и не решилась рассказать ей о своём парне, опасаясь, что мать вообще запретит ей возвращаться в Золотовку и насилком вернёт домой.

Словно на крыльях летела Люба в полюбившуюся деревню. Ведь её теперь ждал Вадим, который стал более разговорчивым. В его движениях появилась уверенность, он уже смело прижимал к себе Любу и пару раз поцеловал в губы. Обоим хотелось большего, но они стеснялись друг другу признаться.

– Только после свадьбы – предупредила Люба – а если нет намерения жениться на мне, то не порть. Я порядочная девушка и берегу себя для одного, единственного.

– Может я и есть твой единственный, а? Люб ... Любушка, Любовь – бормотал Вадим, целуя девушку сначала в нос, щёчки, добрался до губ.

Они как всегда сидели на своей любимой поляне, постелив на влажную от росы траву пиджак Вадима. Всё близилось к тому, чего Люба опасалась, но в глубине души давно ждала. Испугавшись, что дело может зайти слишком далеко, она оттолкнула Вадима и убежала. Он не стал догонять её, слишком был разгорячён. С того вечера парень больше не делал таких попыток. Галинка с Егором, посмеивались глядя на них. Сами они всю уже планировали свадьбу на весну и Галя частенько оставалась у Егора ночевать.

В одну из таких ночей, когда Люба не вернулась в дом бабы Нюси, раздался тихий стук в окно.

– Ты чего? – Люба испуганно всматривалась в лицо Вадима. Стояла уже глубокая сентябрьская ночь и холод ворвался в распахнутое окно.

– Люблю я тебя – выдохнул Вадим и вцепившись в подоконник проскользнул в комнату. Люба почувствовала от него слабый запах вина.

– Ты пил что ли? Хозяйка проснётся сейчас и устроит ругань. Уходи домой Вадик, не подставляй меня – шептала Люба. Но парень не двинулся и с места. Он рассматривал девушку в просвечивающей ночнушке, облепившей её тело и напряжённо молчал.

– Я не уйду. Сегодня ты будешь моей и не только сегодня, а на всю жизнь.

К ноябрьским праздникам назначили дату свадьбы. Люба была беременна и предстояло знакомство с родителями с обеих сторон.

Глава 4

Знакомство с родителями решили начать с семьи Вадьки. Люба нервничала, собираясь к нему. Галя, как могла оказывала моральную поддержку, тоже собираясь на свидание к Егору.

– Да плюнь и разотри! Вадик тебя любит? Любит. Как бы тебя не встретила его мать и сёстры с братьями, на ваше решение пожениться это никак не повлияет. Ты беременна. Для Вадьки это железный аргумент.

– Всё равно трясёт – призналась Люба, зуб на зуб не попадал от сотрясающего всё её тело, озноба.

– Выпить бы, граммулечку. Но нельзя тебе, может чай на мяте заварить? Пойду у бабы Нюси спрошу – Галя вышла из комнаты. Они остались единственными квартирантками. Света быстро окрутила Игорька и они расписавшись в сельсовете, умотали в город. Работа на хлебопекарне не устраивала её, к тому же после того, как Игорёк покатал Любу на своём мотоцикле, Света страшно взревновала его.

Валя без Светы жить у бабы Нюси не стала. Тоже уволилась и вернулась к себе, в соседнюю деревню. К матери. В окно раздался стук, заставивший Любу подскочить на стуле. Сердце бешено забилося.

– Что ты рано так пришёл? – Люба приоткрыла створку и уставилась на Вадима, продолжая трястись.

– Да мать с сёстрами собирается в поле. Они по выходным всегда уезжают туда, давай пораньше до нас дойдём – Вадька тоже нервничал. Характер у его матери был сложный и ей мало кто мог угодить, а тем более понравиться.

Люба достала из под кровати новенькие резиновые сапожки и не дожидаясь подругу, перелезла прямо так, через подоконник. Проходить мимо бабы Нюси ей не хотелось. Старушка начнёт вопросы задавать, ума вкладывать. Хотя уже вся Золотовка знала, что Вадька и Люба, пара. Да и заявление на женитьбу уже лежало. Вадим был настроен решительно. Не может же он бросить своего ребёнка? А если сын родится? Это ж радость-то какая будет!

Мария Васильевна Прудникова встретила будущую сноху, поджав губы. Сёстры Вадима все три, расположились на деревянном сундуке и не сводили глаз с Любы. Четвёртая сестра у Вадьки вышла замуж за городского и в деревню не приезжала, двух братьев дома не оказалось.

– Мам, вот, познакомься – Вадька смущённо подвёл Любу к матери – невеста моя, Любаша.

Мария Васильевна молчала, ковыряясь в клетчатой сумке. Клава, Настя и Ольга начали шептаться между собой. Обстановка была до того напряжённой, что Любе захотелось сбежать и больше никогда в этот дом не возвращаться.

– Невеста, говоришь? – наконец раздался голос Марии Васильевны. Она вскинула свои тёмно-карие, какие-то совершенно невыразительные глаза на Любу и заявила – пусть покажет что она умеет. А потом я посмотрю, знакомиться с ней или нет. Благословлять ли вас на брак или погодить.

Мария Васильевна была в курсе, что сын собрался в скором времени жениться. В деревне даже разнесли уже слух, что невеста Вадьки тяжёлая. Видел кто-то, как выворачивало её наизнанку.

– Что делать нужно? – ожила Люба и как можно доброжелательнее улыбнулась.

– Вон матушку на половики разрезали, подшей, чтоб не махрились – приказала Мария Васильевна и кивнув дочерям, вышла из дома.

– Ну, Вадька ... – недовольно произнесла Клавдия. Все три сестры были уже замужем и детей успели народить. Вадька в семье был самым младшим и потому на него возлагались большие надежды, что найдёт он себе невесту побойчее, да побогаче.

Люба попросила у своего будущего мужа иголку с ниткой и до самого поздна, усердно подшивала половики. Для неё это не было в диковинку, дома такие же были настланы. Она с интересом посматривала по сторонам. Ведь первое время жить ей предстояло со свекровью, что-то другого Вадим предложить не мог.

Девушка успокаивала себя, что это по первой так. Потом когда Мария Васильевна получше узнает её, то примет более благосклонно в свою большую семью.

– А братья тоже у тебя уже женаты? – поинтересовалась Люба. Вадим принёс дров и затопил печку. Она в семье Прудниковых была не такая, как дома у Любы. На такой печи и поспать можно было, наверху. Даже занавесочки висели.

– Васька женат, сын у него и дочка. А Славка разведён, жена укатила к себе на родину и двоих детей забрала. Славка даже не может увидеться с ними. Она напрочь вычеркнула его из жизни своей и детей.

– Разве так можно? – задумчиво произнесла Люба. Она считала, что если у мужа и жены не сложились отношения, то дети страдать не должны. Отец вправе принимать участие в воспитании детей. Ночевать Люба вернулась к себе. Вадька, провожая её, всё выспрашивал про её семью. Отца, мать и братьев.

– Мои, считай, с тобой познакомились. Завтра я с матерью серьёзно поговорю, скажу что заявление мы с тобой уже подали и ребёнок у нас будет. Твои вот как?

– В следующие выходные к моим поедом – Люба поцеловала Вадьку и забежала в дом. Наконец-то можно расслабиться и отдохнуть. С началом беременности Любе всё чаще хотелось подольше поспать и понежиться под тёплым одеялом, а не гулять холодными октябрьскими вечерами, грязь месить.

Вадим, склонив свою кучерявую голову, сидел за круглым кухонным столом. Над ним висел красный абажур и стояла тарелка с давно остывшими щами из щавеля. С одной стороны мать зудела, с другой сёстры и братья присоединились.

– Они говорят, баптисты. Семья мал мала и меньше. А мать вообще бреховка, как собака со всеми лаетса – старшая сестра Клава успела съездить в село Любы и разузнать про её семью.

– А говорят в Москве кур доят – Вадька отодвинул от себя тарелку, чуть расплескав её содержимое. Аппетит пропал напрочь.

– Ты как заговорил-то! Ремня всыпать? – старший брат Васька начал расстёгивать свой ремень.

– Ну давай! Давай, бей! – вскричал Вадик, вскочив и опрокинув под собой стул. Братья встали друг против друга.

– Да что же это такое, а? Как опоила она его чем, девица эта бесстыжая – Мария Васильевна встала между сыновьями и обратилась к младшенькому – разве порядочная девушка будет до свадьбы спать с парнем? А беременеть? Она чем думала? Одним местом?

– А чем думала Клава, когда в шестнадцать лет Варьку родила? А Настя? Тоже от неё недалеко ушла! – разъярился Вадим.

Клава подлетела к брату и вцепилась в его кучерявые вихры.

– Я тебе дам паразит такой! Я когда замуж вышла, у тебя ещё молоко на губах не обсохло! И что в шестнадцать? Мы с моим Фёдором уже семьёй жили давно!

Мария Васильевна с поникшими плечами ушла в зал. Включила телевизор и села на диван. Она всегда так делала демонстративно перед своими детьми, чтобы они ощутили всю глубину своей вины и раскаявшись, пришли просить к ней прощения.

Первым пришёл Вадим. Он любил мать больше всех и ни разу ей не перечил, за исключением свое скорой женитьбы.

– Прости, мам – парень положил голову матери на колени. Мария Васильевна лишь тяжело вздохнула, Вадька был последышем и самым любимым. Его с таким стеснительным характером, старшие сёстры в школу за ручку водили и чуть ли не на уроке с ним сидели. А тут вдруг бунтовать вздумал.

– Сынок, я же для тебя как лучше хочу. Тебе с ней жить, не мне. А вдруг она до тебя порченная была? А тебе соврала? Ты же у меня такой стеснительный, наивный. Откуда ты чего там понимаешь?

– Мам, я знаю, что Люба до меня ни с кем не была. Я сам видел – смутился Вадька и покраснел, как маков цвет. Разговаривать с матерью о таких вещах, было стыдно.

– А ты знаешь, что у девушек определённые дни в месяце бывают? Ты мог перепутать и попасть в такие дни! – настаивала на своём, Мария Васильевна, не желая принимать в свою семью ни Любу, ни её ребёнка. Не верила она этой девице, что так быстро окрутила её Вадьку!

После разговора с матерью, Вадим призадумался. Стал пристальней наблюдать за Любой, меж ними пробежал какой-то холодок. А на следующих выходных, поехали они в рабочий посёлок к Любе. Её райцентр был, конечно, получше Золотовки. Тут и работы много и перспективы не хуже, чем в городе. Да и жить есть где. Отец Любы пару лет назад выкупил у цыган большую усадьбу на которой стоял старый дом. Там был огромный сад с яблонями, грушевыми деревьями, сливовыми. Кусты малины и смородины, большой огород внизу, к дороге. Сама усадьба была как бы на возвышенности и рядом со старой избой, Максим Алексеевич возвёл фундамент для нового большого дома. В стройке помогал его друг Илья и старшие сыновья. Правда Колька потом ушёл в армию.

– У меня мама очень разговорчивая, отец немного постепенней. Но тоже любит за жизнь поговорить. Крестик у тебя на месте? – обеспокоенно спросила Люба, когда они с Вадькой уже к дому подходили.

– Да на месте – как-то раздражённо ответил Вадим, не понимая фанатизма Любы по поводу креста. Его мать и сёстры с братьями, не были такими набожными. У матери даже и иконы-то ни одной в доме не имелось.

Нина Игнатьевна и Максим Алексеевич встретили детей на пороге дома. Пригласили внутрь. Стол уже был накрыт. Видно, что гостей ждали. Мать ушла на кухню, братья и самая младшая сестра, выглядывали из-за занавески. Шутка ли! Любка замуж собралась!

– Ну? Ты разговаривать-то хоть умеешь? – посмеиваясь спросил у Вадьки, отец Любы. Что-то будущий зятьёк очень молчалив и не разговорчив. Сойдутся ли они с Любкой?

Свадьбу, как и загадали, сыграли на ноябрьские праздники. После неё, Люба думала, что поседет или потеряет ребёнка. Так много и с надрывом, она не ревела за всю свою жизнь.

Глава 5

Нина Игнатьевна упала перед иконами на колени.

– Не благословляю я на этот брак. Не пушу! Приедут, обратно прогоню их – причитала она.

– Нин, да ты что творишь-то! Разве можно так! – подруга Нины Игнатьевны, тётя Поля не знала, что делать. Любка ревет стоит, платье свадебное помялось, фата съехала. Ленинградская тушь размазалась под глазами и оттого, что она была до ужаса щипучей, у Любы покраснелись

глаза так, как будто она не спала сутки. А девушка и правда не спала. После того, как отвезли приданое Любы в Золотовку, Нина Игнатьевна стала сама не своя.

То ругалась на Любу, то умоляла отложить свадьбу.

– Дитё родится, ничё с ним не будет. Чего уж теперь. А так хоть присмотритесь друг к другу. Чует моё сердце, не твой он. Не твой! И родственники его не чета нашим. Сплетники да атеисты полные! Эх, Любка ... где ж глаза-то твои были! – причитала Нина Игнатьевна. Марина, старшая сестра помалкивала. С матерью связываться, себе дороже. Братья Митька, Петька, Санька и Володька были не прочь погулять на свадьбе, Колька тоже, с армии пришёл недавно. Этот вообще вкус дембеля ещё толком не прочувствовал, сразу с отцом по калыму как втянулся, да на стройке нового дома пропал. Савка и Аринка, погодки, ещё в школе учились, в шестом классе, они вообще не в теме были и замужество старшей сестры их не волновало особо.

Максим Алексеевич стукнул по столу кулаком, устав слушать этот балаган.

– А ну угомонись, женщина! Запой сыграли, приданное отвезли. Всё. Осталось распи-саться и Любка законная жена. Негоже ребёнка вне брака рожать, срамота и грех. Раз уж не вытерпела до свадьбы, так пусть теперь замуж идёт и терпит все тяготы семейной жизни. Её насилком никто не заставлял честь свою девичью марать – отец в этот день тоже был грозным. Семья будущего зятя, по душе и ему не пришлась. Но делать нечего. Свои мозги детям не вставишь, остаётся поддержать и принять.

После слов мужа, Нина Игнатьевна немного поутихла. Слезы высохли, но губы были зло поджаты. Ждали, когда жених за невестой приедет, младшие то и дело выбегали на дорогу, посмотреть. А Люба пыталась оттереть тушь под глазами и привести себя в подобающий вид. Настроение уже не поднять. Свадьба не радовала девушку и хотелось чтобы поскорее всё закон-чилось.

– Едут! – крикнула Аринка. Началась суета, мать опять завела свою шарманку о том, что благословления материнского не даст и будет Люба несчастлива с этим цыганом.

– Что ж ты такое родной дочери-то желаешь – покачала головой тётя Поля, жалея искренне Любу. Мать её была на язык не сдержанна и все об этом знали, как и том, что жизнь её была не лёгкой. Обижали часто Нину Игнатьевну, пока она бронёй не обросла и не научи-лась защищаться от людских нападков. Не всем была по душе её многодетность и верующий муж, в спину летели насмешки и упрёки.

– Я может наоборот отговорить её хочу! – упрямылась Нина Игнатьевна, отказываясь брать икону Казанской Божьей матери для благословления молодых.

– Да поздно уже! Вон, на пороге жених уже топчется! – тётя Поля распахнула дверь и первым впустила Вадьку. Тот тоже был каким-то потерянным. И его родня ему всю дорогу мозги "промывала". Но он любил Любу и отступить не мог уже. Она встретила его со слезами на глазах и ему стало так безумно жаль эту беззащитную тростиночку, что подхватив её на руки, Вадька прямо так вынес Любу к машине. Он понял, что будущая тёща благословлять не собирается и стоит с воинственным видом.

Погода стояла мрачной и унылой. Местами уже кое-где лежал снег и дул порывистый ветер, разнося мелкие капли дождя.

– Всё хорошо будет. Верь мне – Вадька крепко сжал руку своей любимой и всю дорогу до Золотовского сельсовета они ехали молча и прижавшись друг к другу. Роспись и обмен коль-цами прошли без ругани и ехидных высказываний с обеих сторон. Брат Вадьки, Славка достал откуда-то гармонь и стал подпевать незамысловатые частушки. Мать Любы моментально под-хватила и свадебная процессия двинулась к дому Прудниковых, где были накрыты столы для праздничного гуляния.

Пили, ели и горланили песни все сообща. А потом молодёжь сообразила организовать музыку во дворе. Благо, что к вечеру немного распогодилось и все рванули танцевать. Люба

окончательно успокоилась и решила передохнуть в спальне. Она не совсем хорошо себя чувствовала от переутомления и стресса. Вадька присел рядом со своей женой и с гордостью взял её руку в свою, крутил обручальное колечко на её тоненьком пальчике.

– Моя ты теперь – негромко произнёс он, забыв обо всём о чём накручивали его сёстры и братья.

– Как мы жить-то теперь будем, а? Вадим – Люба прижалась к плечу мужа и вслушивалась в шумные выкрики на улице. Транзистор громко орал песни группы "Мираж".

– Да как все. Я на хлебовозку устроюсь, ты до декрета доработаешь и уйдёшь в положенный отпуск перед родами. Сына родишь и жизнь пойдёт своим чередом – улыбнулся Вадим.

– А дочка если будет? Не обрадуешься? – осторожно спросила Люба. По всем народным приметам, какие мать знала, у неё должна быть девчонка.

– Ну ... рад буду, конечно – неуверенно ответил Вадим. Сын есть сын и дочку он особо не ждал. Вдруг послышались душераздирающие крики и звон бьющегося стекла. Люба в испуге подскочила с кровати, лицо её побледнело.

– Что там случилось? – выкрикнула она. Вот тебе и отдохни пару минут.

Вадим бросился на улицу и ошалел от картины, представшей перед ним. Как потом выяснилось, одноклассница старшего брата Любы, каким-то боком приглашённая на свадьбу напилась и пошла прогуляться с местным жителем Золотовки, тоже приглашённым на праздник. Разгорячённый вином, тот стал настырно приставать к девушке. Она еле вырвалась от него и побежала жаловаться Любиным братьям. Митька, особенно злой среди братьев и занимавшийся боксированием, долго разбираться не стал. Началась драка. Родня Любы и Вадьки, их знакомые и соседи – всё смешалось в одну кучу. У кого зуб выбили, кому голову проломил ломом. Где-то раздался громкий треск рвущейся одежды, отборная ругань со всех сторон.

Вадька чуть ли сам не плача, пытался всех разнять. Ну почему ни одна свадьба без драки не может обойтись?

– Я ща их всех тут перешибу – орал муж Маринки. Он с Колькой, братом Любы почти одновременно из армии пришёл и погулять на свадьбе родной сестры жены, не отказался. Пил только много и меры не знал.

– Да угомонись! Ты-то куда лезешь! – соседки Нины Игнатьевны затащили мужа Маринки Степана в автобус и пытались усадить. Но он растолкал женщин и головой стал пробивать люк, чтоб выбраться из автобуса через крышу и сверху сигануть в самую гущу событий, размахивая своими кулачищами.

– Это ты всё! Ты всё виновата! – тем временем трясла за волосы дочь, Нина Игнатьевна – из-за тебя всех братьёв перебили! Если бы ты за этого черномазика замуж не выскочила, все были бы целые. Одни проблемы вечно от тебя – не успокаивалась Нина Игнатьевна, пока её руку сжимавшую волосы Любы, не расцепил Максим Алексеевич.

– Хватит девку мучать. Иди в автобус, погрузились уже все. Погуляли и будя – Максим Алексеевич дождался пока жена выйдет из дома и повернулся к дочери. Люба рыдала в голос и не могла остановиться. Что это за свадьба? Ведь как началась семейная жизнь, так и пойдёт дальше!

– Слезами тут Люба уже не поможешь. Видно крест у тебя такой и должна ты его по жизни нести достойно – вздохнул отец, прижимая дочь к себе.

– Пап ... ну почему всё так, а? Неужели я и вправду виновата, что полюбила? Ведь я хотела чтоб по людски всё было, а она ... – девушка кивнула в сторону ушедшей матери.

– Мать не осуждай. Она вас девятерых родила и за каждого у неё душа болит. Это как любой из пальцев обрежь и будет кровоточащая больная рана. Вспомни, как тяжело нам вас поднимать было, когда вы совсем крохи? Мать по ночам в столовку бегала, в кочегарке тогда работала. А у них печь была расположена в каком-то глубоком подвале, куда спускаешься по ступенькам и кажется, что конца и края этому нет. А знаешь ли ты что мать наша однажды

от усталости упала со ступенек и ударившись головой, потеряла сознание. Сколько в отключке была, не помнит. Рассказывает мне, а у самой руки трясутся. Шутка ли, девятерых без матери враз оставить. А как насмехались над ней, что спит сладко и кочегарит плохо? С её-то девятью детьми! Да наша мать забыла давно, что такое сладкий сон!

Люба слушала отца не перебивая. Мама и вправду всегда трудилась, как пчёлка, не покладая рук. И с домашней скотиной управлялась, и с ними. Постирать, поесть сготовить. Чтоб одеты не хуже других, да накормлены были всегда. Отец после своих колымов, он тогда крыши хорошо умел ставить, наступавшись топором на жарком солнцепёке, возвращался домой совсем без сил. Ужинал и уходил на полтора-два часа сон. Потом вставал, как по будильнику и глубокой ночью, пока дети спали, тихонечко отливал восковые свечи. Нина Игнатьевна потом ездила эти свечи продавать по разным сёлам, по домам ходила, предлагала. При всём этом, Максим Алексеевич не пропускал ежедневных молитв и всегда соблюдал посты.

– Тяжело Любушка во все времена. Но ты не ропщи. Голову склони и повторяй: " Слава Богу за всё". Мать прости и зла не держи. Судьбу свою ты сама выбрала, терпи теперь – отец обнял Любу на прощание и вышел. А она опустила на кровать. Вновь и вновь прокручивая бранную ругань матери, девушка заново начала реветь. Ей казалось тогда, что горше обидных материнских слов, ничего не может быть.

Глава 6

Свадьба прошла, как страшный сон и стала Люба привыкать к жизни со свекровью. До неё дошёл потом слух, что всё приданное родственники мужа высмеяли и за спиной придумывали разные небылицы. Люба удивлялась каждый раз, ну заняться людям нечем что ли?

Придут к матери сёстры Вадьки да Славка брат, соберутся кто на сундуке, кто за столом и давай всем кости перемывать. Люба ни на кухню выйти не могла, ни постирать бельишко своё, ни поесть приготовить. Питалась в цеху пирожками, а потом голодная дома сидела, Вадьку с работы ждала. И так всю зиму и начало весны. Роды ставили на конец июня.

– Невыносимо так, понимаешь? Может к моим поедет? – каждый вечер шептала Люба, обнимая мужа так тихо, чтобы кровать лишней раз под ними не скрипнула. Его мать спала рядом, за занавеской, потому что большой зал не был разделён на комнаты. Посреди стояла печь и с каждой стороны по кровати. Занавесками прикрыто и ладно, считалось комнатой.

Каждое утро начиналось с пяти утра и с радио, которое бубнило у Марии Васильевны целыми днями на подоконнике. Любу это раздражало, но права голоса в доме свекрови она не имела. На очередной приём к гинекологу, решила как-то поехать с Вадькой. Оба отпросились с работы.

– Мне помыться надо, а там толпа твоих родственников – Люба нервничала. Живот странно поднывал, а срок ещё только семь месяцев – тазик мне что ли принести и водички тёпленькой. Ведь на осмотр еду к врачу!

– Так срок большой, какой там осмотр. Родишь не дай Бог раньше – недовольно проворчал Вадька. Он жил, как на вулкане. С одной стороны Люба, с другой мать и сёстры с братьями. Каждый норовит одеяло на себя перетянуть. А он просто работал, уставал за целый день крутить баранку и жадл рождения сына.

– Держи, могла бы и на кухне помыться. За занавеской. Никто бы внимания не обратил – Вадим не понимал чем недовольна жена. За столько времени, могла бы уже и привыкнуть к его родне. Ну да, языкастые. Своеобразные. А где лучше то есть? За то свои все.

Люба быстренько сделала свои дела, собралась и впала в ступор. Куда тазик с водой девать? Недолго думая, засунула под кровать.

"Из больницы приеду, вылью" – подумала она и спешно со всеми распрощавшись, выскочила на улицу. Апрель был холодным и промозглым. Дул порывистый ветер, а до вокзала идти далековато.

Вадька всю дорогу молчал, а Любе и не до разговоров было. Ныл живот и поясница. Она боялась самого худшего, как врач подтвердил её опасения:

– Что ж вы голубушка, не бережёте себя? На сохранение вас, срочно! Иначе до срока можем не доходить. А ребёночек ещё слабо развит, ему никак нельзя родиться именно сейчас. Люся, выпиши направление в стационар – обратился врач к медсестре.

Из кабинета Люба вышла бледная и потерянная. Вадим, устав ждать в очереди, а потом Любу, расхаживал по коридору.

– Ну? Всё нормально? Поехали, а то на наш автобус опоздаем! – он схватил жену за руку.

– Не поеду я Вадим. На сохранение меня положили, угроза есть.

– Какая ещё угроза? Врачи специально пугают, дома отлежишься. В декрет скоро, мать моя присмотрит за тобой. Нечего в своём цеху было физическую работу выполнять, Галька небось твоя помогла бы! А то всё сама да сама! – Вадим вывел Любу на улицу и остановился на ступеньках. Она дальше не пошла, выдернув свою руку.

– Один езжай. А мне ребёнок дороже – она больше ничего не сказав зашагала к приёмному покою, лечь на сохранение. Вадим её окончательно разочаровал. Неужели ошиблась она в нём?

– Ну и ладно! Как знаешь! – крикнул ей вслед Вадька и подняв воротник куртки быстрым шагом пошёл к воротам. Надоело всё! Не так он себе семейную жизнь представлял. Люба горячка, а нашла бы подход к го матери, глядишь и подружились бы.

Вечером к дочери в гинекологию прибежала взволнованная Нина Игнатьевна. Люба позвонила с сестринского поста соседке и попросила предупредить мать, что она у них, на сохранение положили в больницу.

– Ииих, говорила ведь, не пара он тебе. Пряма цыган настоящий – сплюнула мать – и родственнички его такие же.

– Ну а где нам жить-то, мам? – Люба расплакалась и закрыла лицо руками – я ведь люблю его и ребёнок у нас будет. Почему же всё так не по людски? Ты же сама от матери ушла за папой и жили вы сначала в избёнке старой, а уж потом он дом построил, как я родилась. Все тяготы вместе несли!

– Ээх Любка ... жизнь прожить, не поле перейти. Отец он трудяга, всю жизнь работает не покладая рук. За веру Христову в тюрьме сидел и сёстры его. Он закалил характер-то свой и не обозлился, а мудрость приобрёл. Его послушать, одно удовольствие. Это я вот такая деревенская досталась ему, на язык не сдержанная. И то он терпит меня, пальцем ни разу не тронул и не обозвал.

А ведь как его сёстры тоже против меня настраивали! А дети пошли? Ведь грешна я. Как Маринка с Колькой родились, тобой задумала аборт сделать. В больницу пришла, записалась. А дома вижу сон страшный перед этим тёмным делом, что задумала. В холодном поту проснулась и решила, сколько Бог даст детей, столько и рожу.

Я замуж-то в двадцать пять вышла, а отцу твоему уже за тридцать далеко было. Мамка моя возле себя меня держала и не отпускала. А ведь был до папки у меня жених-то ... Да уехал далеко, не дождавшись меня. А когда папка твой к нам приехал, тут я уж мать ослушалась и ушла от неё.

Так что Любка иногда упрямство на пользу, а иногда нет. Отец твой надёжный мужик и сразу я это почуяла. А Вадька твой телок. Кудри чёрные развесил и слушает всех подряд. Своё жильё вам нужно, своё. Если уж и тогда он будет дурить, то значит жизнь у вас не сложится.

– Я не хочу к ним возвращаться, ма – Люба прижалась к матери. Впервые она так по доброму разговаривала и была так откровенна. Значит любит её, Любу-то? Переживает?

– Ну и нечего. Выпишут, домой тебя заберу. А Вадьке условие поставь. Пусть ищет жильё и живите отдельно. Я ссуду даже в госбанке возьму сама, чтоб помочь вам.

Самочувствие Любы улучшилось, анализы пришли в норму. Вадька за это время даже ни разу её больше не навестил и Люба вернулась домой, к матери. Зато Галька приехавшая из Золотовки, сразу примчалась в гости к подружке и сообщила, что про неё разносят по всей деревне Прудниковы.

– Таз мол со своей срамотой ты под кроватью оставила и не вылила после себя! Там насочиняли уже дальше некуда!

Люба разволновалась, покраснела от стыда. Как же так! Почему Вадька позволяет о своей жене такие сплетни разносить?

– Ой паразиты, а! Ах нелюди собачьи! – ругалась Нина Игнатьевна – чтоб Любка ноги твоей там боле не было. Пропади он пропадом этот твой Вадька! Сами воспитаем и вытянем.

Вадька приехал ближе к родам и они с Любой помирились. Он склонил свою повинную голову и чуть ли не слёзно прощения просил.

– Славка завёл меня, прости! И что не девушкой тебя взял, и что не от меня ты беременна. Здесь якобы в посёлке нагуляла, а за меня быстрее замуж выскочила, позор скрыть.

Люба дар речи на мгновение потеряла и хотела уже в кудри мужа вцепиться от злости.

– Но ты ведь сам знаешь, что неправда это! Первый ты у меня! Первый! Неужели не понял? А ребёнок? Ты что, из богатого семейства, чтоб я навязывалась тебе? – кричала Люба. Они в доме были одни. Отец на работе, мать на рынок ушла. А младшие брат и сестра Любы, гонялись на великах.

– Маша, сестра моя, из города приехала в гости и напустилась на меня. А потом остальных на место поставила. Прости, бес попутал – Вадька прижал к большому животу Любы свою голову и крепко обхватил руками за талию.

– Я больше к матери твоей не вернусь. Ищи дом, моя мать ссуду возьмёт. Будем отдельно жить – поставила Люба своё условие. Вадька обрадованно подскочил и заверил, что срочно же займётся поиском продажного дома в Золотовке и уехал к себе, совсем немного не дождавшись прихода тёщи.

А к вечеру у Любы начались схватки и её срочно по скорой отвезли в городской роддом, две недели не доходила. Дочка родилась на три пятьсот, сморщенная, смешная. Люба, как на руки взяла её, так сразу почувствовала, что сердце от умиления и любви к своей малышке, трепещет и поёт от радости.

– Паразит твой девчонку вздумал Женькой назвать! Это же мужское имя! Отец по святцам посмотрел, сказал надо Антониной надо назвать – позвонила на следующий день после родов, мать.

– Да я не знаю пока, мам ... – вяло отозвалась Люба. Роды были не лёгким делом и она потом долго размышляла, как матери удалось благополучно девятых родить?

– Антонина и точка – решительно произнесла мать и закончила разговор.

Спор разрешила младшая сестра Любы, Аринка. Она завела Нине Игнатьевне истерику, чтоб племянницу назвали её именем. Так и решили.

– Прудникова Арина Вадимовна – прокричала Люба из окна второго этажа, когда Вадька приехал навестить жену – так в свидетельстве о рождении и запиши.

Глава 7

Из роддома Любу с дочкой забирал Вадим и её мать с отцом.

– Твои-то почто нос не кажут? Не барское энто дело? – не выдержала Нина Игнатьевна, когда они уже приехали домой. Отец выпил немного за здоровье внучки и ушёл прикорнуть немного. Они с матерью решили перебраться на другую усадьбу, пожить в старой избе, пока новый дом строится. А Любе наказали с новорожденной малышкой пожить дома, пока Вадька не подыщет им жильё в Золотовке.

– Да у меня мать приболела, у сестёр хозяйство. Не на кого оставить – ответил Вадька и покраснел до кончиков ушей. Но Нина Игнатьевну не проведёшь, она и так всё поняла. Не рады родственнички дитю и Любке.

– Значит-ца так, моё дело маленькое. Я ссуду возьму, на дом вам дам. А там, живите, как хотите – Нина Игнатьевна подрабатывала уборщицей в райпотребсоюзе и с тамошним председателем была чуть ли не на ты. Он пообещал ей помочь со всеми справками, чтоб ссуду выдали на сумму в тысячу рублей. Дали даже больше, полторы. Нина Игнатьевна отдала деньги своей дочери в руки и обняла, сказав, что помогла чем могла.

– Твой отец сам всю жизнь всё добывает и достаёт. Вот и твой цыган пусть учится. Сама знаешь у нас детей после тебя сколько. Вон Аринка с Савкой седьмой класс только окончили. Колька жениться надумал, Петька хоть учится собрался на паровозника, в другой город поедет. Будет жить у сестёр нашего папки. Митька работает вроде сам на себя, а там женится надумает и ищи нам с отцом деньги на свадьбу. Санька с Володькой пока ещё зелёные, до женитьбы далеко им, а не успеешь оглянуться и снох приведут, знакомиться. Так что Любка много вас у меня, голова кипит уже, как всё справиться вам, чтоб никого не обделить и не обидеть.

Люба всё понимала и старалась помогать матери, как могла. С раннего утра пелёнки с распашонками стирала. Не успеет развесить, Аринку пора кормить. А от неё не отойдёшь, оставить тоже не с кем. Не с десятилетней же сестрой оставлять? Мать на той усадьбе управляет, Люба здесь. На Аринку с Севкой пока постирает, а там Митька бельишко грязное подкинет. Колька с ними жить остался. На огороде надо управиться, поесть приготовить, прибраться. Люба с ног падала от усталости. Вадька заезжал к ним не часто, хоть и был каждый дено проездом в их райцентре. Хлеб заберёт и развозит по деревням.

Проснулась однажды Люба от того, что её трясёт. Лоб пылает от жара, грудь как каменная.

– Грудница – всплеснула мать руками – довозилась в холодной воде! Сейчас за Полинкой сбегая, может посоветует чё.

Люба еле сдерживая слёзы от боли, качала на руках орущую Аринку. Братьев дома не было, только младшие и те притихли. Тётя Поля прибежала к ним сразу.

– Что ж ты Нинка девку-то свою не бережёшь. Ведь родила только, а вы? – прикрикнула она на Савку с Аринкой – здоровые уж лбы, чего сестре не помогаете? Как ни погляжу из окна, стирает и стирает на вас! Ну-ка, Нинка тащи капустный лист, сейчас с мёдом и к груди приложить. Всё вытянет, да ещё помассировать Любке самой себе придётся. Молоко застоялось, а то как бы в больницу не пришлось везти.

Тётя Поля шустро раздавала указания, нянчила маленькую Аринку и покрикивала на младших. Нина Игнатьевна суетилась и сердчала в душе. Когда всё успеть-то? Любка тут управляет, она там! Всю скотину на ту усадьбу перевезли, огород там засадили картошкой, овощами. Голова кругом.

– Помру я наверно раньше срока – качала Нина Игнатьевна головой. Она развела внучке детскую смесь и поила её из бутылочки, пока Любка прикладывала капустный лист к груди. Тётя Поля её контролировала.

– Погоди помирать-то, правнуков ещё от внучат своих дождёшься – миролюбиво произнесла соседка. Многодетную семью Потаповых она любила.

– Твои слова Полинка да Богу в уши – довольно произнесла Нина Игнатьевна, положив внучку в кроватку. Любе заметно полегчало к вечеру.

– Продолжай массировать, чтоб застоя не было. Пошла я – зевнула тётя Поля, на сегодня все дела её встали. Но как не помочь по соседски? Нина Игнатьевна забрала своих младших, Аринку с Севкой и ушла на ту усадьбу.

– Митька после работы заедет к нам, скажу чтоб остался. Если только Колька ночевать придёт. Отдыхай пока, завтра пораньше приду, гляну как у вас тут дела.

В доме воцарилась тишина и Люба даже смогла вздремнуть немного, как послышался стук в окно. Вадька после работы решил к жене и дочке заехать.

– У родственников хотел заночевать, да они про тебя начнут выспрашивать. Что да как – Вадька с аппетитом уминал щи, приготовленные на скорую руку тещей. Старший брат Колька пришёл с работы, бросил на них хмурый взгляд и прошёл в свою комнату. Он разругался со своей невестой и полыхал внутри тихой злостью.

– Дом не нашёл ещё для нас? Мать ссуду оформила – Люба села напротив мужа и безотрывно смотрела на него. Красивый он всё-таки у неё. И Аринка на него похожей родилась.

– Да есть там один – нехотя ответил Вадька. О доме он как-то и подзабыл, уже привыкнув что Люба живёт у матери – как-нибудь съездить надо, посмотреть.

– Завтра можно! Мама придёт и я Аринку с ней оставлю, а сами поедем – обрадовалась Люба. Но утром случился скандал, от которого у Любы окончательно пропало молоко.

Нина Игнатьевна была человеком настроения. Могла как приглубить, так и показать свой гонор. При чём заводилась ни с того ни сего. Любая мелочь не так сказанная или сделанная, могла обернуться громогласной руганью. Вот и в это утро, которое началось у Любы с шести утра. Она проснулась раньше Вадьки и дочери. Быстренько собрала грязные пелёнки и ползунки. Замочила бельишко в тазу. Сама быстрее на кухню, приготовить завтрак брату и мужу. Как распахнулась входная дверь и вошла Нина Игнатьевна. Уже по её лицу, Люба поняла, что день будет испорчен. Сердце её бешено заколотилось.

– Где твой суженый-ряженный? А? Спит? Ты одна тут возишься, а он потягивается там сладко? Машина-то стоит его, значит ночевать приехал к жене под бочок? – начала Нина Игнатьевна.

– Тише, мам. Аринку разбудишь – умоляюще произнесла Люба. Но её слова лишь подхлестнули Нину Игнатьевну. Она протопала в комнату дочери и рявкнула на зятя:

– А ну вставай! Нечего вылёживаться, шёл бы Любке вон помог! Она и так в воде навозилась, взял бы да сам пелёнки постирал. Для родной дочери-то! Совсем делать ничего не хочешь, хорошо пристроился. Жена с дитём тут, ты там – на повышенных тонах разговаривала Нина Игнатьевна. Аринка в кроватке начала негромко попискивать.

– Заткнитесь! На работу скоро, не дадут поспать лишних полчаса! – заорал из своей комнаты Колька. Он в бешенстве выскочил на кухню и со всего маху стукнул кулаком по стеклу окна, которое тут же треснуло и осколки впелись в его руку.

Всё произошло на глазах у Любы, которая от ужаса, даже крикнуть не могла. Спазм сдавил горло и стало трудно дышать. Пол в кухне залило кровью.

– Ой что творится-то ... ой! – причитала Нина Игнатьевна, бросившись к соседям, чтобы вызвать скорую. Старший сын в армии переболел менингитом и вернулся оттуда психически неуравновешенным. А всё Любка опять со своим цыганом!

– Сейчас ... сейчас ... – Вадька сориентировался сразу. Нашёл какой-то жгут и перетянул Кольке руку, чтобы остановить кровь – иди к дочери! Слышишь, орёт! – крикнул он Любе. Самого его всего трясло. Ну и семейка! Может права его мать? Зря он женился на Любе? Ребёнка завели? До каких пор теща будет вмешиваться в их отношения и его самого оскорблять? Да и Любка хороша! Матери и слова поперёк не может сказать!

Скорая забрала Кольку, который ненавистным взглядом посмотрел почему-то на сестру, как будто она была виновата в случившемся.

– Христом Богом прошу, уходи ты отсюда, уходи – крикнула Нина Игнатьевна своему зятю – без тебя дитё вырастет. Нечего Любке мозги дурить и ездить сюда просто так. Никакого от тебя толку нет!

– Мама! Он мой муж, у нас семья! Ну оставь ты нас в покое! Я надеялась ты с Аринкой посидишь, а мы дом съездим посмотреть. А ты скандал завела на ровном месте – психанула Люба, чувствуя что сама сейчас сознание потеряет от нервного потрясения.

– Муж? А почему же он у тебя не заботится о вас? Сам давно дом приобрёл бы, вас забрал и жили бы, как все нормальные люди. А то таскается сюда, тебя с толку сбивает. Родственнички его даже не приехали за эти два месяца на Аринку взглянуть! Дело твоё Любка. Я тебе деньги дала? Дала. Что б как Колька выпишется из больницы, съехала отсюда. Муж есть? Вот пусть и покажет на что он способен – Нина Игнатьевна хлопнула дверь и ушла. Вадька тоже что-то пробормотал невразумительное, похлопал жену по плечу и умчался на своей хлебозовке. А Люба оставшись одна, прижала к себе Аринку и разревелась. Господи, будет ли когда-нибудь светлая полоса в её жизни?

Глава 8

Люба и Вадька купили первый попавшийся дом. Огорода там не было, сам участок на котором расположился домишко, был ничем не огорожен и комната в нём была всего лишь одна, посреди полуразвалившаяся печка, которую отец и выписавшийся Колька из больницы, пообещали заново переложить.

Люба, вернувшись в свой родной дом за Аринкой, с тоской осмотрела свою комнату. отец построил в своё время большой и добротный дом, чтоб всем детям хватило места. А теперь ей предстояло покинуть родительское уютное гнёздышко и обустраивать своё.

Вадьке, казалось, было всё равно. Крыша над головой есть и ладно, а то что она протекает в нескольких местах, его особо не заботило. Он полдня мотался по разным деревням, развозя хлеб. Потом уходил к брату Славке, подвязался с ним коров пасти. Неподалёку было пастбище, вот они там и пропадали до позднего вечера.

Люба с маленькой дочкой одна вертелась в доме, как белка в колесе. Ей хотелось в своём жилище создать уют, приготовить вкусную и сытную еду для любимого мужа, помыть, постирать, прибрать. На участке всё разгрёбла вокруг дома, пока Аринка спала в кроватке. Везде ей хотелось навести порядок и чистоту. Чтоб не хуже других жили они с Вадькой.

Отец с братом печь переложили. К зиме всё подготовили.

– Эх, Любка ... – вздохнул отец, окинув измождённую и ещё больше исхудавшую дочь, своим строгим родительским взглядом – не по себе ты крест на себя взвалила. Не по себе. То ли возьмётся твой муж за ум, то ли нет.

– Пап, да всё хорошо у нас! Вадька просто работает целыми днями, некогда ему. А я к труду с детства приучена, без дел сидеть не привыкла, ты же знаешь. Мамке только всего не говори, а то приедет и скандалить начнёт – Люба быстро обняла отца, а потом накормила их с братом вкусными щами из свежей капусты. Ей иногда помогала жена старшего брата Вадьки, у них было большое хозяйство, огород и сама она успевала пробежаться по стареньким бабулькам в деревне, то лекарства кому купить нужно, то хлеба с батоном. Старший сын её, Витюшка, частенько заглядывал к Любе и присматривал за Аринкой. Люба даже решила взять его в крёстные. Его и свою младшую сестру.

– Я матери Любка не скажу, но и ты побойчее с мужем будь. А то как женился, так начал себя с самой плохой стороны показывать. Пускай с ребёнком когда посидит, а когда и дела домашние поделает. Иль совсем у него выходных нет? А деньги тогда где? Вон я смотрю последний кусок хлеба нам с Колькой отдала.

– Да нет что ты, папа! Я просто в магазин ещё не бегала, Аринку оставить не с кем. Вот Витюшка придёт ко мне и посидит с ней, пока я сбегая – оправдывалась Люба, а у самой глаза на мокром месте были. Так хотелось всё отцу рассказать, но гордость не позволяла признать, что мать тогда была права, не благословив дочь на брак. Видела Вадьку насквозь.

Отец с братом уехали. Витюшка почему-то не пришёл, а Люба покормив дочь и убаюкав её, села на порожек. Она ждала Вадьку до ночи, пока он не соизволил доползти до дома. Именно доползти, не дойти.

– Ты где так напился? – Любу накрыла волна злости – ведь пятница. Я думала придёшь пораньше, нам с Аринкой время уделишь. Дела поделаешь, в магазин прогуляемся с коляской. А ты?

– Замолчи. И так башка трещит – поморщился Вадька. Они со Славкой так интересно посидели с местными практикантками, что домой идти не хотелось. Опять Любка, орущая девчонка ... К матери что ли пойти? Она его в любом состоянии примет, последыш её любимый.

– Она у тебя ещё больше будет трещать. Мой отец с братом был, они нам печку переложили. Колька обещал с тобой серьёзно поговорить, если ты за ум не возьмёшься. Я для чего от матери уехала? Чтоб на это вот всё смотреть? Да мне легче на братьёв своих постирать и поесть приготовить, зато я сама в тепле и в сытости буду жить, чем с тобой куски хлеба последние доедаю. А Аринка? Сейчас холода начнутся, она будет болеть то и дело – Люба распаялась всё больше. Уже дочка проснулась, начала кричать.

– Да заткнись ты, я сказал – рывкнул Вадька и отшвырнул Любу к стене. Пнул по кровати ногой и сжав кулаки, в бешенстве вылетел из дома. Люба просто каким-то чудом не стукнулась об край кухонного стола. Её всю трясло, она медленно поднялась с пола и на ватных ногах приблизилась к кровати. Лицо маленькой дочки расплывалось за пеленой накативших слёз.

Самым ранним рейсом, закрыв дом, она вместе с Аринкой уехала домой. К матери. Обида душила внутри, но рассказать матери о том, что случилось она не посмела. Нина Игнатьевна пришла бы в страшное бешенство и убила бы тогда Вадьку. Путь назад для Любы тогда был закрыт. А она всем сердцем надеялась, что Вадька осознает свою глупость и вернёт их.

Но прошла неделя, потом вторая. А муж даже и не думал приезжать за женой и дочкой.

– Поеду я мам, сама съезжу – как-то произнесла Люба. Наступил уже сентябрь, скоро холода. Как там дом? Может Вадька там уже всё в порядок привёл и просто не знает как к ней подступить после такого? Ведь это из-за вина он руку на неё поднял, трезвый он и мухи не обидит!

– Ну коли сама решила – развела руками мать. Она понимала всё, но до поры не лезла, давая молодым возможность самим разобраться – я с Аринкой посижу. Картошку вроде и тут и там выкопали, если что, моя Аринка или Севка, посидят с племянницей. Два оглоуда, пошли в школу и уже успели двоек нахватать. Вас всех вырастила, они ещё остались.

Аринка и Севка были в школе. Оставив свою малышку на мать, Люба быстро собралась и потопала на вокзал.

– О! Какие люди! – навстречу шла Галинка со своим Егором под ручку. Подруги за всеми заботами после свадьбы Любы и рождения Аринки, так и не успели поговорить по душам.

– Привет! – Люба улыбнулась. Галя и Егор выглядели умиротворёнными и счастливыми – давно вас не видела. Когда на свадьбу позовёте?

– Егорушка иди вперёд, а я через пару минуток догоню тебя, рыжик мой – пропела Галя, растянув губы в широкой улыбке. Егор весь расцвёл, отпустил её ручку и покорно двинулся дальше.

– Ну какая свадьба, Люб? – произнесла наконец Галя, когда Егор отошёл на приличное расстояние – мы любим, конечно, друг друга. Но одной любви мало и сыт этим не будешь. Я вон уже два аборта сделать успела от него! Надоел! Говорила же дети нам пока ни к чему, пелёнки стирать я ещё не готова и ночами не спать. Сначала работа, жильё приобретём, машину купим. А потом можно и о детях подумать – хохотнула Галя, решив проводить Любу до вокзала.

– Всё прям у тебя Галка по полочкам, а то у меня – вздохнула Люба, по доброму завидую подруге. Она так не рассуждала, хоть и из верующей семьи. Окунулась в омут страстей и выскочила замуж не глядя. А теперь вот расхлёбывай, как хочешь.

– Слышала я про твоего оболтуса – вскользь произнесла Галя. Ещё как слышала, только подругу расстраивать не хотелось. Пусть узнает, но не от неё.

– Да он хороший Галь! Просто его брат с пути сбивает, если бы не Славка, то у нас с Вадькой всё хорошо было бы!

– То брат, то сестра, то мать! – раздражённо махнула рукой Галя – а у самого голова есть на плечах или она у него только для того чтобы кудри носить? Внучку-то хоть видела, свекровка твоя? По всей деревне ведь распространяют, что Аринка твоя не от Вадьки и вообще на него не похожа! Извини, не хотела настроение тебе портить, но прям накипело!

Люба остановилась, как вкопанная. Сердце неприятно заныло. Как не от Вадьки! Да Аринка одно лицо с ним!

– Мы дом купили Галь, мать моя ссуду взяла. Пока я всё там разгребала, некогда мне было до свекрови дойти. Да и не расскажешь всего ... вот пока к матери уехала, картошку помочь выкопать. Думала Вадька за нами приедет, а он нос не кажет. Сама решила съездить, дом хоть глянуть цел или притон там весь собирается – вырвалось у Любы. Галя даже не удивилась, жалко ей было подругу. Она даже себя отчасти виноватой чувствовала, ведь так уговаривала её с этим Прудниковым сойтись! Но кто ж знал, что в тихом омуте ...

– Ладно, Люб. А то мать моя заждалась теперь, мы сегодня приехали, чтобы обговорить свадьбу на будущий год. Тебя свидетельницей возьму, поняла? Отказы не принимаются. А с тобой мы ещё поговорим, думаю, что у матери ты пока поживёшь.

Люба насторожилась, неприятное предчувствие только обострилось.

– Ты знаешь что-то? Говори!

– Ой, всё, Любка! Спешу я. Пока! – Галя быстренько чмокнула подружку в щёку и побежала догонять своего Егора.

Всю дорогу, пока тряслась в автобусе, Люба успокаивала себя и настраивала на добрый лад. Это просто чёрная полоса, но она обязательно пройдёт. Все молодые пары проходили через период притирки друг к другу. А Вадька просто с армии нагуляться не успел и поэтому впал в кризис. Он же тот ещё упрямец и гордец! Сейчас Люба в дом войдёт, а он там. Чинит сидит свой транзистор, чтоб "Ласковый май" включить и под "Белые розы" закружить свою жену в танце. А потом будет умолять простить его и Люба сдастся. Уткнётся носом в его чёрные кудри, загипнотизированная взглядом его карих глаз с поволокой и поймёт, что любит только его одного и вместе они всё преодолению.

Но чуда не случилось.

Глава 9

Дом встретил Любу холодной пустотой и распахнутой настежь дверью. Постельное бельё на супружеской кровати было скомканным и грязным. На столе горя немытой посуды, стаканов и пол уставлен пустыми бутылками в ряд. Запах перегара вьёлся даже в аккуратно сложенные пелёночки Аришки на тумбочке, возле кроватки в которой валялась опрокинутая пепельница и на байковом одеяльце, было выжжено несколько дыр.

– Господи ... я наверное сон вижу? – пробормотала Люба, держась за спинку стула, чтобы не упасть. Что здесь было? В её доме?

– Люб! – раздался голос Светы со двора. Жена старшего брата Вадьки спешила к ней по тропинке – ты приехала? Пошли Вадьку твоего забирать. Они там со Славкой на пастбище валяются. Почти голые оба, пьяные в ноль и мухи уж лицо им обгадить успели. Вон, Головлиха по всей деревне разнесла, а я быстрее сюда. Как чуяла, что приехать ты должна. Пошли быстрее!

Света схватила Любу за руку и они побежали.

– Свет, что происходит, а? Скажи, чего ему не хватает? – Люба еле попевала за шустрой Светой, которая была к тому же на четвёртом месяце беременности. Старшему Витюшке было десять, дочке Ксюше год, теперь вот третьим беременна. Когда только они с Васькой своим успевают всё!

– Люб, я сама с семьёй Прудниковых не в ладах. Все они себе на уме, сплетничать только хорошо научились. А у самих рыло в пуху. Вадька так вообще у них самый залюбленный. Мать его чуть ли не в зубах таскает до сих пор, как же – последушка. Самый любимый. Это ты ничего не слышишь, и не видишь. А за спиной страсти кипят.

– Ну что мне делать тогда, а? Разводиться? Я же люблю его! – в отчаянии крикнула Люба и остановившись, разревелась. К матери вернуться и братьёв опять обстирывать или терпеть пьянство и гулянки мужа? Может всё же образумится?

– Не выйдет у вас с Вадькой ничего, вот мой сказ тебе. Ты можешь хоть любить его, хоть пятки ему целовать. Но он не изменится никогда. Страшный гордец, себялюб и гуляка. Кровь-то цыганская, не знала? Свекровка то наша в детском доме воспитывалась. Отец её чистокровный цыган, она сама как-то своим детям рассказывала. Вот и думай, хватит ли у тебя здоровья и сил, ждать, надеяться и верить или Аринку в охапку и бежать от него – Света вытерла платком взмокший лоб. Сентябрь стоял ещё жарким, да и беременность вызывала то жар, то холод.

Люба ничего не ответила. Представшая перед ней картина вызвала страшное чувство брезгливости и стыда за своего непутёвого мужа. Дома она его отмыла в железном тазу, нагрев побольше воды. Вычесала его кудрявую голову от репейника, побрила. Быстренько сварила лёгкий бульон, накормила. Терпеливо ждала, подставив эмалированный тазик, пока Вадьку выворачивало наизнанку.

Грязное постельное бельё, сменила на чистое и дождалась пока муж уснёт, села вечерком на порожек и долго смотрела на ярко-розовый закат. За Аринку свою не волновалась, знала что в надёжных руках бабушки и за ней есть кому присмотреть. В доме полно народу из братьёв и сестра. А ей нужно с Вадькой решить, как дальше жить.

На следующий день, едва рассвело, Вадька сладко потянулся в кровати и открыв один глаз, увидел Любу.

– Золотце моё, ты вернулась ко мне – хриплым голосом произнёс он и протянул к ней свои руки. Люба сидела перед ним на стуле и молча смотрела, испытывая внутреннюю брезгливость. Она поняла, что Вадим скорее всего не был ей верен.

– Я вернулась, чтобы решить, как нам быть дальше. Судя по тому, что ты сейчас не испытываешь ни грамма стыда, вины и даже про дочь не спросил первым делом, то выход у нас один – развод – голос Любы был ровным, хотя внутри всё кипело от обиды, злости и разочарования. Хотелось вцепиться в кудри мужа, больно больно и орать ему в лицо, какой он подлец!

– Значит так, да? – Вадька встал с кровати и потянулся к своим брюкам. В кармане завалялась пачка примы, прикурил. На лице блуждало абсолютно безразличное выражение.

– То есть ты согласен? – каким-то не своим голосом спросила Люба. Она ожидала другого поведения от него. Неужели совсем не любит ни её, ни Аринку?

– А чего мне соглашаться-то? Ты же сама уже всё решила и спрашиваешь теперь. Для чего? Иди и разводишься. Правильно мать моя говорила, выскочила за меня замуж, чтобы позор свой прикрыть от людей. Не моя ведь дочь-то? А теперь довольная и ничем не запачканная развестись решила. На алименты с радостью подашь и буду я чужую дочь обеспечивать.

Люба вскочила со стула. Она пришла в неопишемую ярость от его слов.

– Так ты же сам видел, что девушка я была! И потом только ты и был у меня! Первый и единственный ... Как ты можешь такое говорить?

– Да мало ли что там я видел. Может эти дни у тебя были, а я и попал. Врала ты мне всё, домой на выходных ездила? Ездила. Женихов у тебя там куча. Думаешь мне не рассказали? Всё про тебя знаю!

Не выдержав, Люба отвесила мужу звонкую пощёчину и схватив свою сумку бросилась к двери. Права Света, не будет у них семейной жизни. Вадька даже не окликнул её, обозвав вслед оскорбительным словом.

На улице моросил дождь. До первого автобуса было ещё целых два часа. Где же выждать? Ноги сами привели Любу к дому Светы. Она прошла мимо удивлённого Васьки и бросилась к его жене. Слезы душили так, что Люба минут сорок не могла ничего вразумительного сказать.

– Васька! Беги к братцу своему и посмотри, что там он натворил! – прикрикнула Света на мужа. Она накапала Любе успокоительных капель и дала выпить.

– На развод буду подавать. Он мне такого наговорил ... – наконец выдавила из себя Люба. Истерика начала понемногу отступать, зато нарастала головная боль.

– Тю! Наговорил – усмехнулась Света – думаешь Васька мне ничего не говорит. Ещё как говорит и я ему в ответ. Как кошка с собакой порой живём, но разводиться не бежим. Ты извини, насоветовала вчера тебе. Вы ж молодые оба, горячие. Семью легко разрушить, проще простого. А попробуй все тяготы вместе пройти? Раньше как жили-то? Чего только не было! Никто разводиться не бежал. А у вас дочь подрастает. Каково ей будет в неполной семье жить? Уж лучше родной отец, чем найдёшь потом отчима для неё. Так что не горячись, подумай хорошенько.

Дверь распахнулась и неожиданно вошла гостья. Приехала из города сестра Вадьки, Маша.

– Что тут у вас случилось опять? Я вчера поздно приехала, заночевала у матери. А сегодня с утра пораньше дай думаю навещу родственников дорогих. А у вас уже глаза на мокром месте. Люб? Как там племяшка то моя? Растёт?

Маша резко выделялась среди других своих сестёр и братьев. В город уехала сразу же после школы, поступила на кондитера. Отучилась, работать пошла. Комнату в общежитии ей выделили. Замуж не спешила, всё выбирала. Характер у неё был независимый и целеустремлённый. И мужа искала себе под стать. Было ей уж ближе к тридцати.

– Да разводится мы будем с Вадькой. Он не хочет нормальной семейной жизнью жить, не нагулялся. А мне Аринку растить надо, она мне дороже твоего брата – высказалась Люба. Теперь уж всё равно, зато хоть душу облегчит.

– Разводится? – задумчиво переспросила Маша и посмотрела на Свету. Мол, выйди. Та быстро сообразила и оставила их одних. Убежала провожать Витюшку в школу и Ксюша проснулась у неё. Васька пришёл уже от брата и молча управлялся со скотиной. Лицо его было мрачнее некуда. В этот раз Вадька был не прав, совсем.

Люба вкратце рассказала о последних событиях и повторила, что кроме развода, иного выхода не видит.

– Я вижу! – решительно произнесла Маша и огорошила Любу новостью – встретила я тут одного мужчину. Расписались уже с ним, у него квартира своя и сама понимаешь на правах жены, я переехала к нему. Моя комната в общежитии пустует. Вот вы с Вадькой там и заселитесь. Хватит ему тут коровам хвосты крутить, да на хлебовозке гонять. В город вытащу вас. Его водителем везде возьмут или на завод пускай идёт. Аринку в ясли скоро, а тебя ко мне в кафешку. Я там за главного повара в ближайшее время встану.

Глаза Любы загорелись. Злость и ненависть на мужа прошли. Ей захотелось срочно вскочить и побежать к нему, сообщить решение всех проблем. Но Маша её остановила.

– Сама с ним поговорю. Я знаю как, он мой братец родной. А ты домой езжай и жди. Своих пока подготовь. Аринку надо нашей бабушке показать, может сердце её каменное смягчится и не будет Вадьку так настраивать, раз ты говоришь, что она его копия.

– Спасибо тебе Маш. Если поможешь нам брак сохранить, век не забуду – горячо благодарил Люба свою золовку. Она уехала с девятичасовым рейсом, полная надежды и в предвкушении скорой встречи с мужем. Маша обещала приехать за ней и племянницей, вместе с братом. Потянулись бесконечные дни ожидания ...

Глава 10

Вадим так и не соизволил приехать за Любой и дочерью. Прошла осень, наступила зима и близился Новый год.

– Чего ждать? Разводись и точка – мать месила тесто на пирожки. Люба с дочкой стояла возле окна и смотрела на падающий пушистый снег. Разводиться она не хотела, до последнего на что-то надеялась. Может, случилось что? Тогда Галька к ней прибежала бы и сообщила. Она же к Егору переехала в Золотовку, а по выходным сюда мотается.

– Развестись легко. А воспитывать ребёнка в одиночку тяжело – произнесла Люба.

– Ну и жди тогда, у моря погоды. Пока цыган твой опомнится, его дочь уже школу окончит! Любка, Любка ... в кого ты дура такая? – мать хотела ещё что-то добавить, чтоб окончательно испортить всё настроение, но в дом влетела младшая сестра Любы.

– Пляши, пляши! Письмо тебе пришло! – размахивая белым конвертом, прокричала Аринка.

– Отдай! – у Любы сердце заколотилось. Может из суда? Может Вадька уже сам на развод подал?

– А вот и не отдам! Не отдам! – кривлялась Аринка, показывая старшей сестре язык. Нина Игнатьевна поддала своей младшей подзатыльник.

– А ну быстро отдала и забери Аринку-младшую. Поиграй пока с племяншкой, а я пирогами займусь. Дайте Любке передохнуть маленько от вас – рывкнула женщина, не любившая мямлить и разговаривать тихим голосом. Жизнь приучила рычать и добиваться своего. Что дома, что в общественном месте.

– От Тamarки Лазаревой – Люба быстро развернула письмо и пробежалась глазами по коротенькому тексту – помнишь, рассказывала тебе про неё? Живёт в В***, а в нашем городе училась. Это она мне предсказала, что линии на моей руке сходятся в букве "М".

– Да шут его знает ... Не помню – отмахнулась Нина Игнатьевна, начиная пирожки яблочным повидлом. Разве все разговоры упомнишь? Детей-то куча, поди удержи в голове их рассказы. Но тем не менее полюбопытствовала – а чего эта буква "М" означает-то? Гадали что ли? Ты смотри Любка отцу не скажи об этом! А то он задаст тебе такую хиромантию!

Люба улыбнулась, вспомнив про отца. Доброго и мудрого отца. Он и слова-то грубого никогда не скажет!

– Да не гадали мы. Так, баловались с Галькой и рассматривали линии на своих руках. Мои сходятся в одной букве, вот Тamarка и предположила, что мучиться всю жизнь буду.

Нина Игнатьевна недовольно поджала губы.

– Как обрекла прям тебя. Мучится ... слушаешь ты всех. Может ты мудрой станешь, как папка твой или милосердной будешь всю жизнь ко всем. Вот о чём надо было подумать, а не про мучения. Успеешь ещё намучаться. Что там она пишет-то тебе хоть?

Люба замялась. Говорить или нет? Предложение Тamarки заинтересовало её. Хотелось отвлечься от домашних забот, дел и бесконечных, казалось, бессонных ночей с Аринкой, у которой лезли все зубы сразу.

– Да на Новый год приглашает меня. У них на центральной площади каждый год ёлка красивая и концерт в новогоднюю ночь. Танцы, музыка. Из столицы даже приезжают артисты.

– Да мне-то что. Девушка ты взрослая, дитё уже своё. Это ты у отца отпрашивайся. Пост идёт, а ты знаешь, он его строго соблюдает и всяких гулянок не одобряет.

Максим Алексеевич препятствовать не стал. Да и Люба не стала красочно описывать, зачем она хочет съездить к однокурснице в гости. Просто повидаться и всё. Отец лишь наказал поскромнее быть, да поразумней.

– Хватит одного раза, ошиблась. Теперь голову включай и не забывай, чему я вас всех девятерых учу. Не будете соблюдать, каждый шишки набьёте, а потом локти кусать будете и думать, от чего вам всем счастья нет – Максим Алексеевич отвернулся от дочери и продолжил работу. Он поздними зимними вечерами убирал иконы. К нему даже из деревень приезжали

и делали заказ. Привозили рамочки, фольгу. Получалось очень красиво и было видно, что Максим Алексеевич занимается этим с большой охотой и любовью.

Оставив Аринку на мать, сестру и братьев, Люба поехала в город на железнодорожный вокзал. Ей урвать последний билет на поезд, который отходил буквально через полчаса. Дорога не предвещала никаких приключений и девушка заняв своё место, сняла своё старенькое пальтишко со скромным меховым воротничком, примостилась у окошка и вглядывалась в темноту, думая о Вадиме. Ревность иголкой пронзала сердце, фантазии рисовали неприятные картины, как муж нашёл себе другую и развлекается с ней, забыв о дочери и жене. Сама она после того скандала не ездила к нему, мать строго настрого запретила.

– Нечего унижаться. Не захочет жить с тобой дальше, дом продашь и к нам. Я ссуду погашу и будем дальше жить, Аринку растить. Я вас девятирех вынянчила, а уж внучку в зубах носить буду – Нина Игнатьевна твёрдо стояла на своём, убеждённая что дочь впереди ждёт развод.

Люба от внутренних переживаний так похудела, что одни глаза остались. Но матери не перечила, изнывая от ревности, неизвестности и упрямой любви к Вадьке. К Тамаре она ехала, как за отдушиной. Поплакаться, выговориться и немного отдохнуть. Стук колёс так убаюкал Любу, что она не заметила, как на следующей станции к ней подсел какой-то военный.

Парень был среднего роста, крепкого телосложения и приятным на лицо. Он сел напротив Любы и долго рассматривал задремавшую девушку. Было что-то такое хрупкое во всём её облике, незащитное. Длинные ресницы подрагивали, а веснушчатый нос смешно покраснел.

"Совсем девчонка" – пронеслось в голове, как Люба распахнула свои серо-зелёные глаза. В них промелькнуло недовольство и раздражение.

– На мне узоров нет – девушка как-то вся подобралась и ещё плотнее вжалась в угол. Попутчикам мужского пола она была не рада.

– Извините – парень смущённо улыбнулся – я случайно. Простите.

– Да что вы всё извините, да простите! Достаточно – Люба сама от себя не ожидала, что будет кому-то грубить. Крепко Вадька засел у неё в голове и сердце, раз она так реагирует на внимание других мужчин.

– А хотите горячего чаю с бутербродами? – неожиданно предложил незнакомец – меня, кстати, Игорь зовут. А вас?

Люба нехотя продолжила знакомство, не отказавшись от бутербродов. Дома она успела лишь позавтракать, а сейчас уже глубокая ночь была. В дорогу ничего с собой не брала, привыкнув быть вечно полуголодной. С колготной Аринкой много не наешь и иногда вообще поесть забываешь.

Игорь оказался хорошим собеседником. Пару раз даже шутил, рассказывая курьёзные случаи из своей военной практики. Общение было таким непринуждённым и ненавязчивым, что Люба окончательно расслабилась. Даже Вадим вылетел из головы на какое-то время.

– Люба, а вы долго пробудете у подруги в гостях? Просто я еду чуть дальше, но мог бы на новогодних выходных приехать. Погулять сходили бы или вы до моего города добрались бы. Я вам такую экскурсию проведу, будет что вспомнить! – Игорь смотрел на Любу с какой-то затаённой надеждой. Девушка сильно понравилась ему и он хотел бы продолжить судьбоносное знакомство.

– Нет, всего пару дней – уклончиво ответила Люба, не вдаваясь в подробности. Рассказывать, что её дома ждёт шестимесячная дочка и муж в какой-то Богом забытой деревне, не хотелось.

– Пусть так! Я найду способ сам к вам приехать, говорите адрес вашей подруги! – Игорь поспешно достал маленький блокнотик и ручку. Он верил в судьбу и был убеждён, что встреча с Любой не случайна.

Тамарка встретила свою однокурсницу возле выхода. Девушка запыхавшись бежала до железнодорожного вокзала, забыв надеть на голову шапку. Щёки Тамары покраснелись, волосы растрепались и покрылись снежинками. Снег мёл не переставая.

– Опоздала! Представляешь? Проспала! Будильник ещё с вечера поставила, а он не прозвенел – размахивая руками, прокричала Тома. Люба шла ей навстречу и улыбалась. Она распрощалась с Игорем, который клятвенно пообещал приехать прямо в новогоднюю ночь. Люба теперь думала, приедет или нет? Вправду влюбился с первого взгляда или в уши надудел?

Глава 11

– Да ладно тебе! Давай обнимемся что ли? – остановила бурный поток слов подружки, Люба.

– Ты, дорогуша, что-то совсем исхудала – заметила Тамарка, когда они добрались до её дома. Мать девушки деликатно закрылась в кухне и готовила салаты к завтрашнему празднику. На Новый год у неё выпало ночное дежурство в больнице и зная, что у Тамарки руки не из того места растут, хоть и отучилась на кондитера, решила сготовить всё сама.

– Да, Аринка такая беспокойная растёт, что тут не то что исхудает. Пластом скоро лежать буду и не встану – отмахнулась Люба. Они до поздней ночи проговорили обо всём, что произошло в жизни у обеих. Люба не могла пожаловаться на мужа, повторяя всё время что любит его и не хочет разводиться. А мать давит.

– И правильно делает мамка твоя – заявила Тамарка – ну какая это жизнь? Он у себя в деревне, пьёт и гуляет. Ты у себя, ночами не спишь, дочь воспитываешь. Денег он тебе не даёт, хотя всё ещё муж и обязан это делать. Ребёнком не интересуется вовсе. Что тут можно любить-то? О чём жалеть? Ты блаженная что ли, Любка!

– Его просто мать накручивает, свекровь моя. Сёстры, братья – все против. А вода камень точит, сама знаешь. Если изо дня в день твердить какая я плохая, то в это действительно можно поверить. Я бы съездила давно в Золотовку! Там мой дом. Да моя мать запретила мне туда нос показывать и мне гордость не позволяет. Как говорится и хочется, и колется.

– Да блажь это всё! И дурь! Хватит ныть и киснуть, я тебе тут такого жениха забацию. Переедешь из своей деревни к нам и будем жить по соседству.

– Да разве нужен кому чужой ребёнок? – вздохнула Люба.

– Нужен! Если нормальный мужик полюбит понравившуюся женщину, то ребёнок для него проблемой не будет. Как своего воспитает и общего ещё народите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.